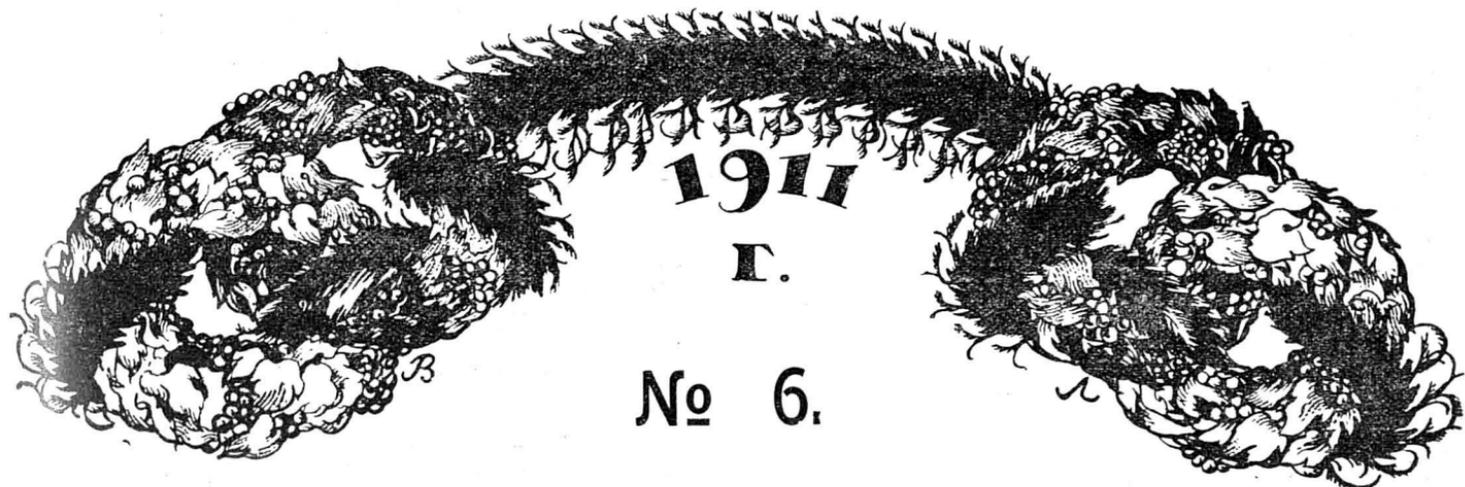
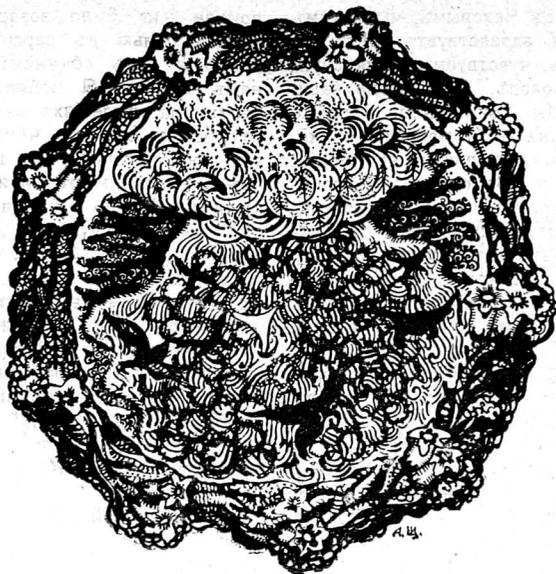

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТУДЕНЧЕСТВУ РОССИИ

GAUDEAMUS

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Жуть *)

С. Д. Розенталь.

Несомненно Чеховъ разсказалъ о многомъ, что раньше скрывалось, выявилъ и закрѣпилъ безобразное и мучительное. Съ Чехова началось что то новое, другое. Если до него у насъ были надежды и твердая вѣра, то съ нимъ, послѣ него, надежды испарились, вѣра поколебалась. Мы по разному вѣрили, въ разное. Кто въ Бога, кто въ социализмъ, но всё, въ пришествіе свѣтлаго и лучшаго. И только теперь въ темной ночи, въ наше „безгероическое“, глухое и глупое время, вспомнили вдругъ о Чеховѣ. Комочекъ, отрывочекъ, обрывокъ — каждая вещичка Чехова, а эти комочки и обрывочки, больше показали, разсказали, чѣмъ многомныя изслѣдованія, многословныя разсужденія. У Чехова необыкновенный даръ — мучить человѣка, пытаться съ пристрастіемъ. Почему никто не назвалъ Чехова „жестокимъ талантомъ“... Кто могъ, въ самый разгаръ веселья, радости, брызжущей молодости, написать разсказъ „Аптекарьша“ — тотъ не показалъ, а доказалъ, что для него смѣхъ лишь отрицанье, минусъ, а не плюсъ. Разсказы о вкусной солянкѣ, кулебякахъ, глупыхъ женихахъ, смѣшныхъ невѣстахъ и нелѣпыхъ родителей — должны были заглушить, ноющее, рыдающее, опутывающее. Я думаю никто не забылъ *vinum gallicum rubrum* въ „Аптекарьшѣ“. *Vinum gallicum rubrum* — ненужное, скверное, кислое, а оно лишь одно, удержитъ красивую аптекаршу, оно лишь одно, разорветъ на мигъ игольную, больную скуку. Вездѣ у Чехова безпросвѣтная жуть. Всѣ словно зачарованные. Какая то страшная змѣя безумнымъ взглядомъ, приковала людей, привязала къ мѣсту, къ ярлыку. Ярлычки и на клейки царятъ на страницахъ Чехова. И если старый профессоръ, прославленный, извѣстный, угасаетъ оставленный, брошен-

*) Необоснованность нѣкоторыхъ положеній объясняется во 1-хъ — характеромъ миниатюры, мнѣ приходится не столько доказывать, сколько показывать — взгляды явно субъективные, ни для кого не обязательныя. Или, или. Во 2-хъ. Миниатюра — вытяжка, экстрактъ моего большаго реферата „Жуть жизни“, гдѣ всѣ положенія развиты болѣе подробно и затронуты многое, о чемъ, здѣсь умалчиваю, по недостатку мѣста.

ный всѣми, съ разбитой личной жизнью, то это лишь потому, что кто-то приклеилъ къ нему ярлыкъ — „нашъ знаменитый ученый“ — и онъ ужъ не смѣетъ сбросить бумажку. „Не знаю Катя, по совѣсти, не знаю!“! Всю жизнь отдалъ наукѣ, студентамъ, загубилъ: подъ конецъ жизни превратился въ никому ненужную „старую жабу“. „Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тусклъ и безобразенъ я самъ. Голва и руки у меня трясутся отъ слабости: шея, какъ у одной тургеневской героини похожа на ручку контрабаса, грудь впаляя, спина узкая. Когда я говорю или читаю, ротъ у меня кривится въ сторону: когда улыбаюсь, — все лицо покрывается старчески-мертвенными морщинами“. Эти „старчески-мертвенныя морщины“ покрыли и Чехова, какъ профессора. Вся жизнь — старчески-мертвенная. Счастье человѣка, мучило Чехова и какъ только онъ видѣлъ радующееся и смѣющееся, мечтающее существо, стремительно бросался, гдѣ росли высокія деревья, въ весельѣ купался юноша, цвѣла сирень — ломалъ дерево, замораживалъ юношу, обрывалъ сирень. Видѣлъ счастливаго Коврина въ „Черн. монахѣ“ подглядѣлъ его счастье съ Таней, посмотрѣлъ на него — и нѣтъ, счастья, кровь, черной смерчъ, идиотизмъ отца Тани. Для Чехова — вся жизнь сѣренькое, рѣденье ситечко, серединка, сѣточка изъ клѣточекъ. Въ сѣточкѣ, въ каждой клѣточкѣ, бьется человѣкъ, животное въ страшныхъ мукахъ. Мы всѣ говорили, что дѣтямъ принадлежить Царствіе Божье“, что „дѣтя сосуды Божьи“. Никто не трогалъ дѣтей, ни эпилептикъ подполья Дост., ни сумеречный Соллогубъ, А Чеховъ прикоснулся — и дитя убило дитя — „Смѣясь и подмигивая, грозя зеленому пятну пальцами Варька подкрадывается къ колыбели и наклоняется къ ребенку. Задушивъ его она ложится быстро на полъ, смѣется отъ радости, что ей можно спать черезъ минуту уже спать крѣпко, какъ мертвая“. Сонъ послѣ убійства, сонная жуть охватываетъ, расплзается, расплывается, снятся нервные сны о покоѣ. Поэтъ говоритъ: „счастливы кто спитъ, кому въ осень холодную грезятся ласки весны“. — А если грезятся угрозы жизни, если нѣтъ ласкъ, а есть стоны, тогда есть счастье... Чеховъ от-

вѣтилъ „нѣтъ“ Мы боремся съ Чеховымъ, мы хотимъ крикнуть, какъ прежде: „Да здравствуетъ свѣтъ да скроется тьма!—и не можемъ, чувствуемъ, прикоснувшись къ Чехову, къ его правдѣ, поблѣднѣли наши яркія слова, потускнѣли. Мы пристальнѣе, глубже всматриваемся въ жизнь, и наши бутафорскіе крики, прячутся и непонятная тревога стучится въ сердце. Чеховъ написалъ „Мужики“ и „Въ оврагѣ“—прочтя мы боязливо спрятали, похоронили красивые лозунги о „благѣ народа“—куда-то спрятались сами, сѣли на жердочку. Чеховъ великій поэтъ контрастовъ, отрицатель жизни. Жизнь бѣжала, суежилась, мы всё гомонили на площади, боролись, а Чеховъ сидѣлъ у себя, въ оврагѣ. Что-то строилъ, о чемъ то писалъ, чему-то радовался, надъ чѣмъ-то плакалъ. И когда пришли мы къ нему, а не онъ къ намъ, онъ окинулъ грустными взглядомъ жизнь — „Эхъ вы недотепы“. — и ушелъ, оставилъ въ жизни срубленный „Вишн. садъ“. Забудь мы, что „Вишн. садъ“ написанъ въ концѣ, а не въ началѣ творчества Чехова—мы бы не попали въ ложное положеніе. Помните, какъ упало дерево въ „Вишн. саду“—словно струна порвалась, зазвенѣвъ... Лопнувшая звенящая струна — звучитъ во всемъ творествѣ Чехова, съ начала до конца. Онъ сотворилъ мѣръ „по образу и подобию своему“ и т. к. у него были только жгучіе неисполненные порывы, то вся жизнь, всё люди заговорили о томъ, что болѣло, было болѣзненнымъ у Чехова. Разрѣшая свои, казалось, личные трагедійки, они всё помогали Чехову переносить его трагедію, не помогли. Дочь фабриканта Лиза въ „Случаѣ изъ практи.“ томится своимъ положеніемъ, ей жутко среди фабричныхъ зданій, среди ненавидящихъ людей. Докторъ Корплевъ утѣшаетъ ее — „Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки“?—спросила Лиза. — „Не знаю... Должно быть бросаются все и уйдутъ“ — „Куда уйдутъ?“ — „Куда?.. Да куда угодно сказалъ Королевъ и засмѣялся. Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку“. И потому, что Чеховъ не могъ засмѣяться и уйти, какъ „хорошій и умный человѣкъ“ его настроеніе становится жуткимъ, жутью. Чеховъ — „россійская знаменитость“ — россійскій писатель — былъ заклеименъ кѣмъ-то. Послѣ попытокъ въ „Стрекозѣ“ вытравить клеймо, окупнулся въ жуть. Чеховъ надорвался, надорванный и клейменный писалъ о расколотыхъ желаніяхъ, разодралъ порывы и страсти людскія. Возьмите самое святое и великое чувство: любовь. Не буду касаться сексуальныхъ осложненій у героев Чехова, когда похоть стала вмѣсто человѣка. Вспомните безобразные и мучительныя коллизіи между Сарой и Ивановымъ, Лаевскимъ и его женой, Ниной Зарѣчной и Тригориннымъ. Прочтите такой отрывокъ — „О любви“: „Я любилъ нѣжно и глубоко, но я рассуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что моя тихая грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома... Куда бы я могъ увести ее?.. Изъ одной будничной жизни въ другую, такую же, или быть можетъ еще болѣе будничную“. И они долго скрывали другъ отъ друга свое чувство. Имъ казалось, что липкій, сѣрый, пепельный цвѣтъ покроетъ и ихъ красивую жизнь, любовь: они не приняли своего счастья, а когда раскаялись, изломали,

поняли — не было возврата, нужно разстаться. „Со жгучей болью въ сердцѣ я понималъ, какъ не нужно, мелко и какъ обманчиво было все то, что мѣшало намъ любить. Я понималъ, что когдалюбишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье и несчастье, грѣхъ или добродѣтель“... Но, какъ вездѣ у Чехова, или со всемъ не понимаютъ, или понимаютъ слишкомъ поздно. Поздно! Поздно убѣждается „Неизв. человѣкъ“, что онъ ужъ не служить „общему благу“, поздно убѣждается проф. въ „Скучн. исторіи“ — что погубилъ жизнь, загубилъ, изъ-за ничего недоаждущаго „имени“ — чуть ли не за извѣщеніе въ газетахъ. — „Приѣхалъ въ Харьковъ и остановился въ гостинницѣ „извѣстный проф. такой-то“ поздно узналъ Ковринъ, что изгнавъ чернаго монаха пилюлями и порожками, — изгналъ лучше, красивое. И въ сладостной погонѣ за возвратомъ — гибнетъ самъ, съ алой струйкой крови на устахъ. Вездѣ гибнуть опаздываютъ, принимаютъ непринятое. Ломается, крошится жизнь у Кати („Ск. ист.“), у Тани („Ч. М.“) у Сары и Саши („Ив.“) Ирины и Маши („Три сестры“), Нины Зарѣчной („Чайка“) — молодая прекрасная дѣвушка, гибнуть, въ рукахъ Чехова, увядаютъ, вянуть. Смерть, смерть! Но Ив. Ильичъ кричитъ у Толстого, у Гоголя „мертвецъ трясетъ всю землю“, у Тургенева Рудинъ и Базаровъ умираютъ съ красивой фразой съ красивымъ жестомъ, въ красивой позѣ. Вся русская литература до Чехова, не принимала смерть, протестовала, опозтизировала, задрапировала ее. У Чехова всё „герои“ не замѣчаютъ, какъ переходятъ изъ незамѣтной жизни, въ незамѣтную смерть. Всѣ превращаются въ идиотовъ, кретиновъ, рабовъ, въ искромсанные обрывочки. Поэтъ гибели, разрушенія, незамѣтнаго умирания. Накинулъ сѣтку на мѣръ. Если мы вѣрили въ счастье черезъ 200—300 лѣтъ, то Чеховъ разорвалъ нашу вѣру. Докторъ Львовъ въ „Ив.“ — представитель ходячей идеи позитивнаго прогресса. Мы увидѣли старья слова и мысли, но они укачали насъ, покрыли плѣсенью и скукой. Чеховъ — отрицаніе стремленій. Поэтъ задуманныхъ желаній. Чеховъ не кричитъ, не ноетъ, не можетъ кричать. Захотѣлъ и погубило все. Почему же захотѣлъ, отчего же губить и Любовь и Красоту, и Идеаль? Оправдываетъ, разгадываетъ трагедію клейменаго человѣка, хозяинъ театра ужасовъ, подлинныхъ, реальныхъ. Творчество Чехова — жажда гибели. Поль перомъ великаго поэта — художника, затрепетали, показались, дрогнули былыя цѣнности. Въ Оврагѣ, вдали отъ большой дороги, Кроваваго Молоха исторіи, выносилъ Чеховъ свою правду — правду отрицанія. Герои Чехова — отрывки его души — герои Чехова полны недостижимыхъ, оборванныхъ порывовъ. Они „проворонили жизнь“, жизнь проворонила ихъ. Герои Чехова не принимаютъ жизнь, жизнь не принимаетъ ихъ. Путь Чехова, путь извилиный, путь одинокого и отъединеннаго человѣческаго существа. Правда — Чехова — страшная и жуткая — не будетъ принята всѣми, но онъ вогналъ клинъ въ пеструю жизнь, расколотъ. Выявилъ задернутое. Много яркихъ фразъ и идей, потускнѣло подъ взглядомъ Чехова. Въ его правдѣ — какъ-то не здѣшняя красота, новая. Не ангелочки съ крылышками, не цвѣты по фарфору, а темная, скользящая жизнь...

